

к 100-летию А.И. Солженицына

ГБУК НСО “Новосибирская областная юношеская библиотека”

«Почти счастливый день...»

**Игра-экспедиция по книге А.И. Солженицына
«Один день Ивана Денисовича»**

Проект

«О прошлом - для будущего. С кого начинать изменять мир?»

**г. Новосибирск
2018 г.**

Составители:

*Ерастова Е.П.,
Давыдова Е.В.*

Технический редактор:

Гребенкина О.В.

Дизайн обложки:

Анищенко Н.Ю.

Ответственный за выпуск:

Терентьева Т.Н.

П658 Почти счастливый день... : игра-экспедиция по книге А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / ГБУК НСО НОЮБ; сост. Е.П. Ерастова, Е.В. Давыдова. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2018. – 19 с.

Издание подготовлено к 100-летию А.И Солженицына, которое наша страна отметит в 2018 году.

Игра-экспедиция «Почти счастливый день» по книге А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» знакомит учащихся 10-11 классов с творчеством писателя, одновременно предлагая им поразмышлять о человеческом достоинстве.

ББК 78.38 +83.3(2Рос)6

Ход мероприятия

Слайд Заставка игры

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Мы рады приветствовать вас на нашей игре-экспедиции «Почти счастливый день» по книге А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Игра-экспедиция, спросите вы? Да, мы хотим предложить вам ненадолго стать путешественниками-исследователями. Отважными и охваченными духом приключений исследователями, которые стремятся попасть в новое неизведанное место, и понять, что там происходит. Предупреждаем, что территория, которую мы будем изучать, может быть для вас пугающе неожиданной.

Подготовку к экспедиции начнем с просмотра фрагментов фильма

«Эксперимент 2: Волна» (нем. Die Welle – «Волна») (16+) – художественный фильм режиссёра Денниса Ганзеля, вышедший на экраны в 2008 году.

Фильм снят по книге Тодда Страссера «Волна». Книга была написана в 1981 году по мотивам вышедшего в том же году одноимённого американского фильма. В основе всех этих произведений – реальный эксперимент «Третья волна», произведённый учителем истории Роном Джонсом в городе Пало-Альто в Калифорнии, США.

Пол Шойринга «Эксперимент». 18+

Слайд Фильм

[Фрагмент 1. Пришедшие на занятие ученики не верят, что в современной Германии может быть установлена диктатура. Фрагмент 2. Венгер начинает эксперимент, призванный показать, как легко можно манипулировать массами].

Остается только ломать голову над загадкой эксперимента. Как сообщество обыкновенных, ничем не примечательных людей, может превратиться в тюрьму, по уровню жестокости напоминающую средневековую? Что заставляет разумных людей уподобляться животным в своей ярости? Один из ответов в том, что тюрьма это не просто нечто, созданное государством, это в первую очередь место, созданное мыслями и поступками людей. Когда мы смотрим эти кадры, мы думаем о том, как сделать так, чтобы подобное никогда не повторилось в истории.

С помощью машины времени, а точнее с помощью текста произведения А.И. Солженицына и нашего воображения мы отправимся в аномальное пространство лагеря, до боли детально и точно описанного в произведении «Один день Ивана Денисовича». Мы будем называть его просто «место», имея в виду,

что это образ лагеря, нарисованный писателем и увиденный глазами его героя Ивана Денисовича Шухова, или з/к Щ-854.

1. Начнем нашу экспедицию с того, что составим «карту» места.

Слайд

Вам потребуется разбиться на команды. Каждая из команд представляет отдельную исследовательскую группу.

У каждой группы есть карточка с так называемыми «локациями» – местами внутри лагеря, в которых оказывается главный герой рассказа Шухов в течение своего долгого дня.

[Барак; столовая; санчасть; почта; место работы (объект); ворота и т.д. Новые горизонты – дом/деревня].

- **Проанализировав текст, вы должны дать полную характеристику указанным на карточке локациям.** Обратите внимание, на то, что в тексте есть 3 уровня характеристик: описание локации, действия людей в этой локации, состояние и мысли главного героя в этой локации.

Подтвердите свои ответы цитатами.

- работа с текстом.

Давайте обозначим изученные локации на воображаемой карте.

Слайд

Круг из колючей проволоки, на фоне которого появляются локации – представители команд дают характеристики.

- Предлагаем вам **подумать над характеристикой изучаемого места (лагеря).** Вы видите на экране четыре пары прилагательных.

Слайд

Реальное / Ирреальное

Обычное / Необычное

Природное / Искусственное

Живое / Мертвое

- Выберите из каждой пары одно, чтобы в итоге у вас получилось четыре прилагательных, которые описывают место. Если вы сомневаетесь в каком-

либо прилагательном, можете его не выбирать: прилагательных для характеристики места может быть меньше.

- размышления участников с помощью карточек с определениями понятий

Вместо комментария (из сочинения школьника):

«Место действия необычайно значимо в рассказе. Пространство лагеря враждебно узникам, особенно опасны открытые участки зоны: каждый заключенный торопится как можно быстрее перебежать участки между помещениями, опасается быть застигнутым в таком месте, спешит юркнуть в укрытие барака.

В противоположность героям русской классической литературы, традиционно любящим ширь, даль, Шухов и его сокамерники мечтают о спасительной тесноте укрытия. Барак оказывается для них домом.

Пространство в рассказе выстраивается концентрическими кругами: сначала описан барак, затем очерчена зона, потом – переход по степи, стройка, после чего пространство снова сжимается до размеров барака.

Замкнутость круга в художественной топографии рассказа получает символическое значение. Обзор узника ограничен обнесенной проволокой окружностью. Заключенные отгорожены даже от неба. Сверху их беспрестанно слепят прожектора, нависая так низко, что будто лишают людей воздуха. Для них нет горизонта, нет неба, нет нормального круга жизни.

Но есть еще внутреннее зрение заключенного – пространство его памяти; а в нем преодолеваются замкнутые окружности и возникают образы деревни, России, мира».

2. Обитатели пространства. Нам необходимо изучить как это странное и пугающее место влияет на людей. Как они в нем живут?

[Иван Денисович Шухов, кавторанг Буйновский, бригадир Андрей Прокофьевич Тюрин, Алешка-баптист, Фетюков, Сенька Клевшин, Цезарь Маркович, Вдовушкин и др.]

- С помощью текста вам необходимо дать характеристики героям произведения, ответив на вопросы:
 - Описание героя (внешний вид, метафоры, кличка...)
 - Чем занимался до лагеря?
 - За что осужден?
 - Как ведет себя в лагере?
 - Статус в лагерной иерархии?

- работа с текстом

Слайд

- **«Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый...» Как вы считаете, почему день, описанный в повести, кажется герою «почти счастливый»?**

«Засыпал Шухов, вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся.

Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый.

Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три» (с. 158-159).

- **Скажите, как бы вы сгруппировали эти персонажи? Что у них общего и что отличает их друг от друга?**

Слайд

- **Ваше отношение к мысли писателя, изложенной в другом его, гораздо более масштабном произведении – романе «Архипелаг ГУЛАГ»: «... в лагере растлеваются только те, кто уже и на воле растлевался или был к этому подготовлен».**

Остается только заметить, что почти все герои имеют своих прототипов. Так, главный персонаж, Иван Шухов, списан отчасти с самого автора, отчасти с его знакомого, солдата Ивана Шухова (никогда не сидевшего). СобираТЕЛЬНЫМ также является образ капитана Буйновского – его прототипами являлись капитан Борис Васильевич Бурковский и спортсмен Георгий Павлович Тэнно. Фельдшера Колю Вдовушкина в реальности звали Николай Боровиков, а Цезарь Маркович списан с режиссёра Льва Алексеевича Гросмана.

Прежде чем приступить к обсуждению следующего вопроса...

Слайд

- **Как существование такого места стало возможным?**
...давайте обратимся к опыту известных писателей:

Первый ответ принадлежит автору книги «Повелитель мух» Уильяму Голдингу.

Голдинг, Уильям. Повелитель мух. Шпиль: [романы пер с англ.] /

У. Голдинг. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2018. – 413 с.

«Может, зверь этот и есть... Может... это мы сами». Именно об этом спрашивают себя герои его книги. Дети, оказавшиеся одни на необитаемом острове без присмотра взрослых. Дети – чисты и добры, душа каждого человека полна любви, и лишь взрослея, мы озлобляемся и черствеем. Так люди думали до выхода этого романа. Но прочитав его, погружаешься в пучины тьмы, которой полна человеческая душа. Детское – звериное, яростное, неумолимо жесткое – то, что кроется в каждом из нас...

Оруэлл, Джордж. 1984. Скотный двор. Эссе : проза отчаяния и надежды:

Пер. с англ. / Д. Оруэлл. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1990. – 429 с.

Власть — не средство; она — цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий — репрессии. Цель пытки — пытка. Цель власти — власть.

Эта книга была создана как попытка исследования и предсказания судеб стран, наций, глобальных идей XX века. Роман обнажает **жажду власти**, которая способна смести на своем пути все, власти без идеи и цели. Оруэлл думал, что именно она стоит за каждым таким местом как ГУЛАГ или Освенцим, за каждой тиранией и диктатурой.

Брэдбери, Рэй. 451 градус по Фаренгейту: роман / Р. Брэдбери; [пер. с английского]. – Москва: Э, 2017. – 512 с. – (Отцы-основатели).

«Человек в наше время – как бумажная салфетка: в неё сморкаются, комкают, выбрасывают, берут новую, сморкаются, комкают, бросают...» – ответ одного из героев антиутопии Рэя Бредбери «451 градус по Фаренгейту». Каждый раз, когда мы забываем о том, что делает нас людьми: о наших мечтах, идеях, фантазиях, о жажде исследовать мир и творить, мы становимся похожи на роботов, на картонных кукол. И такое отношение к человеку в мире делает возможным любые, даже самые страшные преступления.

Ремарк, Эрих Мария. Искра жизни: роман / Э.М. Ремарк. – Москва: АСТ ; Харьков: Фоллио, 2000. – 448 с.

«Власть и никакой ответственности – чересчур много власти в чьих-то руках, понимаешь...» – восклицает один из героев романа Ремарка. «Искра жизни» – по-настоящему страшная книга, которая рассказывает о быте надсмотрщиков концлагеря и его заключенных. Но дело не только во власти. Ответ на вопрос «Почему это произошло?» – неумолимый и жестокий: **«Потому, что одни люди перестали считать других людьми, низвели до статуса животных».**

Достоевский, Фёдор. Преступление и наказание: роман / Ф. Достоевский. — Москва: Олимп : АСТ, 2001. — 496 с. — («Школа классики». Книга для ученика и учителя).

Глобальные и страшные преступления совершаются из-за эгоизма людей. Пока все мы чувствуем себя отделенными друг от друга, пока каждый готов защищать только свою правоту и видеть только свою выгоду — мир будет ужасающим местом.

Именно это описывает последний сон Родиона Раскольникова:

«Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга».

Две последние книги не содержат четких ответов и поучений. Они просто описывают время сталинских репрессий так, что леденящий кровь ужас пробирает до костей. Читая их, понимаешь: «Такое не должно повториться никогда!».

Это «Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной и «Авиатор» Евгения Водолазкина. **О них лучше всего скажут отзывы читателей:**

Водолазкин, Евгений. Авиатор: роман / Е. Водолазкин. — Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. — 410 с. — (Новая русская классика).

«Нахожусь сейчас в таком состоянии, которое напоминает ощущение того, когда ожидаешь что-то типичное, а получаешь нечто грандиозное. Вот такой осадок во мне после прочтения «Авиатора», последнюю страницу которого, я перелистнула буквально минуту назад.

Безумно красивый язык у автора, читала и наслаждалась. Невероятная история, невероятные персонажи, невероятные рассуждения о жизни, памяти, смерти и любви пронесенной сквозь поколения.

Авиатор-Платонов человек со сложной судьбой, прошедший сквозь ад острова Соловки, сквозь тяжелые года разлуки и лишений. История его жизни до последней страницы трагична и непредсказуема.

Это так здорово, когда понимаешь, что современная русская литература — это не только Донцова и бесконечные «Метро». Эта книга, я абсолютно уверена, в будущем станет классикой».

Яхина, Гузель. Зулейха открывает глаза: роман / Г. Яхина; предисл. Л. Удицкой. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 508 с. – (Проза: женский роман).

«Удивительная книга! Читается на одном дыхании, полностью погружая в тяжелые времена перестроек, приходишь к пониманию, насколько тяжелыми были испытания людей, насколько бывают сильными люди, готовые выживать в любых условиях. И самое удивительное, как в такие времена раскрывается с новой силой любовь, материнство, вера, надежда и новая жизнь!»

....

«Читать! Читать всем обязательно! Настолько живая и пронзительная книга о сложной судьбе страны в целом и каждого человека в отдельности. При этом ни грамма чернухи, наоборот – столько света и веры в то, что можно даже в нечеловеческих условиях оставаться человеком».

Слайд

- **Как существование такого места стало возможным?**

- *обсуждение вопроса*

Итак, наша игра подошла к концу. Мы уверены, вы найдете свои ответы на вопрос, который дал толчок нашему путешествию. А книги не оставят вас равнодушными и вдохновят на новые исследования себя, истории и мира вокруг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солженицын, А. И. Матрёнин двор [Текст]: рассказы / А. И. Солженицын; [предисл. Л. И. Сараскиной]; худож. В. Бритвин. – Москва: Детская литература, 2010. – 220 с.: ил. – (Школьная библиотека).
2. «Солженицын, А.И. «Система образов и идейное содержание рассказа»: сочинение [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.allsoch.ru/sochineniya/20365> – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 07.11.2017).
3. «Характеристики героев произведения «Один день Ивана Денисовича» (Солженицын А.И.) [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.litra.ru/characters/work/woid/00062101184773070815> – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 07.11.2017)

Описание локаций (образцы) по книге: Матрёнин двор: рассказы / А. И. Солженицын; [предисл. Л. И. Сараскиной]; худож. В. Бритвин. – Москва: Детская литература, 2010. – 220 с.: ил. – (Школьная библиотека)

Столовая

Описание локации:

Внутри стоял пар, как в бане, – напуски мороза от дверей и пар от баланды (с. 36).

Баланда не менялась ото дня ко дню, зависело – какой овощ на зиму заготовят (с. 37).

Производственная кухня – это халабуда маленькая, из тесу сколоченная вокруг печи, да еще жестью проржавленной обитая, чтобы щели закрыть. Внутри халабуду надвое делит перегородка – на кухню и на столовую. Одинаково, что на кухне полы не стелены, что в столовой. Как землю затоптали ногами, так и осталась в буграх да в ямках. А кухня вся – печь квадратная, в нее котел вмазан (с. 78-79).

Действия людей в этой локации:

Сидеть в столовой холодно, едят больше в шапках, но не спеша, вылавливая разварки тленной мелкой рыбешки из-под листьев черной капусты и выплевывая косточки на стол (с. 36).

Орудуют на той кухне двое – повар и санинструктор. С утра, как из лагеря выходить, получает повар на большой лагерьной кухне крупу. На брата, наверно, грамм по пятьдесят, на бригаду – кило, а на объект получается немногим меньше пуда. Сам повар того мешка с крупой три километра нести не станет, дает нести шестерке. Чем самому спину ломать, лучше тому шестерке выделить порцию лишнюю за счет работяг. Воду принести, дров, печку растопить – тоже не сам повар делает, тоже работяги да доходяги – и им он по порции, чужого не жалко. Еще положено, чтоб ели, не выходя со столовой: миски тоже из лагеря носить приходится (на объекте не оставишь, ночью вольные сопрут), так носят их полсотни, не больше, а тут моют да оборачивают побыстрей (носчику мисок – тоже порция сверх). Чтоб мисок из столовой не выносили – ставят еще нового шестерку на дверях – не выпускать мисок. Но как он ни стереги – все равно унесут, уговорят ли, глаза ли отведут. Так еще надо по всему, по всему объекту сборщика пустить: миски собирать грязные и опять их на кухню стаскивать. И тому порцию. И тому порцию.

Сам повар только вот что делает: крупу да соль в котел засыпает, жиры делит – в котел и себе (хороший жир до работяг не доходит, плохой жир – весь в котле. Так зэки больше любят, чтоб со склада отпускали жиры плохие).

Еще – помешивает кашу, как доспевает. А санинструктор и этого не делает: сидит – смотрит. Дошла каша – сейчас санинструктору: ешь от пуза. И сам – от пуза. Тут дежурный бригадир приходит, меняются они ежедён - пробу снимать, проверять будто, можно ли такой кашей работяг кормить. Бригадиру дежурному – двойную порцию.

Тут и гудок. Тут приходят бригады в черед и выдает повар в окошко миски, а в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы – не спросишь и не взвесишь, только сто тебе редек в рот, если рот откроешь (с. 79-80).

И хоть спину тут в работе переломи, хоть животом ляжь – из земли еды не выколотишь, больше, чем начальник тебе выпишет, не получишь. А и того не получишь за поварами, да за шестерками, да за придурками. И здесь воруют, и в зоне воруют, и еще раньше на складе воруют. И все те, кто воруют, киркой сами не вкалывают. А ты – вкалывай и бери, что дают. И отходи от окошка (с. 80).

Кто сидя ест, а больше стоя. 82-я бригада, какая ямки долбала без угреву полдня, – она-то первые места по гудку и захватила. Теперь и поевши не уйдет – уходить ей некуда. Ругаются на нее другие, а ей что по спине, что по стене – все отрадней, чем на морозе (с. 80).

На скамейке на каждой летом село бы человек по пять, но как сейчас все были одеты толсто – еле по четыре умещалось, и то ложками им двигать было несправно (с. 83).

В столовой как всегда – пар клубами от дверей, за столами сидят один к одному, как семечки в подсолнухе, меж столами бродят, толкаются, кто пробивается с полным подносом (с. 134).

Окошек всего пять: три раздаточных общих, одно для тех, кто по списку кормится (больных язвенных человек десять, да по блату бухгалтерия вся), ещё одно - для возврата посуды (у того окна дерутся, кто миски лижет). Окошки невысоко - чуть повыше пояса. Через них поваров самих невидно, а только руки их видно и черпаки (с. 135).

Состояние и мысли главного героя в этой локации:

Потом Шухов снял шапку с бритой головы – как ни холодно, но не мог он себя допустить есть в шапке – и, взмучивая отстоявшуюся баланду, быстро проверил, что там попало в миску. Одна радость в баланде бывает, что горяча, но Шухову досталась теперь совсем холодная. Однако он стал есть ее так же медленно, внимательно. Уж тут хоть крыша гори – спешить не надо. Не считая сна,

лагерник живет для себя только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином (с. 37).

Начал он есть. Сперва жижицу одну прямо пил, пил. Как горячее пошло, разлилось по его телу – аж нутро его всё трепхается навстречу баланде. Хорошо! Вот он, миг короткий, для которого и живёт зэк.

Сейчас ни на что Шухов ни в обиде: ни что срок долгий ни что воскресенья опять не будет. Сейчас он думает: переживём! (с. 137)

Санчасть

Описание локации:

В санчасти, как всегда, до того было чисто в коридоре, что страшно ступать по полу. И стены крашены эмалевой белой краской. И белая вся мебель (с. 39).

Санчасть была в самом глухом, дальнем углу зоны, и звуки сюда не достигали никакие. Ни ходики не стучали – заключенным часов не положено, время за них знает начальство. И даже мыши не скребли – всех их повыловил больничный кот, на то поставленный (с. 41).

...Сквозь двойные, непрозрачные от белого льда стекла еле слышно донесся звонок развода (с. 42).

Действия людей в этой локации:

А в дежурке сидел фельдшер – молодой парень Коля Вдовушкин, за чистым столиком, в свеженьком белом халате – и что-то писал.

Никого больше не было (с. 39).

Состояние и мысли главного героя в этой локации:

Шухов: Шухов снял шапку, как перед начальством, и, по лагерной привычке лезть глазами куда не следует, не мог не заметить, что Николай писал ровными-ровными строчками и каждую строчку, отступя от края, аккуратно одну под одной начинал с большой буквы. Шухову было, конечно, сразу понятно, что это – не работа, а по левой, но ему до того не было дела (с. 40).

«Да разобраться, бывает, ничего не болит. А недужит всего» (с. 40).

Шухов сел на скамейку у стены, на самый краешек, только-только чтоб не перекувырнуться вместе с ней. Неудобное место такое он избрал даже не нарочно, а показывая невольно, что санчасть ему чужая и что пришел он в нее за малым... Было дивно Шухову сидеть в такой чистой комнате, в тишине такой, при яркой лампе целых пять минут и ничего не делать. Осмотрел он все стены – ничего на них не нашел. Осмотрел телогрейку свою – номер на груди пообтерся, каб не зацапали, надо подновить. Свободной рукой еще бороду опробовал на лице – здоровая выперла, с той бани растет, дней боле десяти. А и не мешает. Еще дня

через три баня будет, тогда и побреют. Чего в парикмахерской зря в очереди сидеть? Красоваться Шухову не для кого (с. 40).

Теперь вот грезится: заболеть бы недельки на две, на три не насмерть и без операции, но чтобы в больничку положили, – лежал бы, кажется, три недели, не шевельнулся, а уж кормят бульоном пустым – лады.

Но, вспомнил Шухов, теперь и в больничке отлежу нет. С каким-то этапом новый доктор появился – Степан Григорьевич, гонкий такой да звонкий, сам сумутится, и больным нет покою: выдумал всех ходячих больных выгонять на работу при больнице: загородку городить, дорожки делать, на клумбы землю нанашивать, а зимой – снегозадержание. Говорит, от болезни работа – первое лекарство. От работы лошади дохнут. Это понимать надо. Ухайдакался бы сам на каменной кладке – небось бы тихо сидел (с. 40-41).

Шухов вздохнул и встал. Знобило его, как и раньше, но косануть, видно, не проходило (с. 42)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Обитатели пространства (образцы) по книге: Матрёнин двор: рассказы / А. И. Солженицын; [предисл. Л. И. Сараскиной]; худож. В. Бритвин. – Москва: Детская литература, 2010. – 220 с.: ил. – (Школьная библиотека)

Иван Денисович Шухов. Щ-854

«Шухов никогда не просыпал подъема, всегда вставал по нему – до развода было часа полтора времени своего, не казенного, и кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать: шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вокруг кучи, не выбирать; или пробежать по каптеркам, где кому надо услужить, подмести или поднести что-нибудь; или идти в столовую собирать миски со столов и сносить их горками в посудомойку – тоже накормят, но там охотников много, отбою нет, а главное – если в миске что осталось, не удержишься, начнешь миски лизать» (с. 27).

«Потом Шухов снял шапку с бритой головы – как ни холодно, но не мог он себя допустить есть в шапке» (с. 37).

«В любой рыбе ел он все: хоть жабры, хоть хвост, и глаза ел, когда они на месте попадались, а когда вываривались и плавали в миске отдельно – большие рыбы глаза, – не ел. Над ним за то смеялись» с. (37-38).

«Было дивно Шухову сидеть в такой чистой комнате, в тишине такой, при яркой лампе целых пять минут и ничего не делать... Потом, глядя на беленький-беленький чепчик Вдовушкина, Шухов вспомнил медсанбат на реке Ловать, как он пришел туда с поврежденной челюстью и – недотыка ж хренова! – доброй волею в строй вернулся. А мог пяток дней полежать» (с.41).

«Все в Шухове было напряжено до крайности – вот сейчас нарядчик в дверях заорет. Пальцы Шухова славно шевелились, а голова, забегаая вперед, располагала, что дальше» (с. 44).

«Он не обижался, что Цезарь брезговал дать ему докурить в мундштуке (у кого рот чистый, а у кого и гунявый), и пальцы его закаленные не обжигались, держась за самый огонь. Главное, он Фетюкова-шакала пересек и вот теперь тянул дым, пока губы стали гореть от огня. М-м-м-м! Дым разошелся по голодному телу, и в ногах отдалось и в голове» (с. 48).

«Тогда достал хлебушек в белой тряпочке и, держа тряпочку в запазушке, чтобы ни крошка мимо той тряпочки не упала, стал помалу-помалу откусывать и жевать. Хлеб он пронес под двумя одежками, грел его собственным теплом – и оттого он не мерзлый был ничуть.

В лагерях Шухов не раз вспоминал, как в деревне раньше ели: картошку – целыми сковородами, кашу – чугунами, а еще раньше, по-без-колхозов, мясо – ломтями здоровыми. Да молоко дули – пусть брюхо лопнет. А не надо было так, понял Шухов в лагерях. Есть надо – чтоб думка была на одной еде, вот как сейчас эти кусочки малые откусываешь, и языком их мнешь, и щеками подсасываешь – и такой тебе духовитый этот хлеб черный сырой. Что' Шухов ест восемь лет, девятый? Ничего. А ворочает? Хо-го!» (с. 61-62)

«...собственный сын его помер маленьким, дома дочки две взрослых» (с. 71).

«Считается по делу, что Шухов за измену родине сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто – задание.

В контрразведке били Шухова много. И расчет был у Шухова простой: не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживешь еще малость.

Подписал.

А было вот как: в феврале сорок второго года на Северо-Западном окружили их армию всю, и с самолетов им ничего жрать не бросали, а и самолетов тех не было. Дошли до того, что строгаи копыта с лошадей околеваших, размачивали ту роговицу в воде и ели. И стрелять было нечем. И так их помалу немцы по лесам

ловили и брали. И вот в группе такой одной Шухов в плену побыл пару дней, там же, в лесах, – и убежали они впятером. И еще по лесам, по болотам покрались – чудом к своим попали. Только двоих автоматчик свой на месте уложил, третий от ран умер, – двое их и дошло. Были б умней – сказали б, что по лесам бродили, и ничего б им. А они открылись: мол, из плена немецкого. Из плена? Мать вашу так! Фашистские агенты! И за решетку. Было б их пять, может сличили показания, поверили б, а двоим никак: сговорились, мол, гады насчет побега» (с. 76).

«Запасливый лучше богатого» (с. 88).

«И Шухову чудно, чтобы кто-то так мог работать, звонка не замечая.

Шухов совсем забыл, что сам он только что так же работал, – и досадовался, что слишком рано собираются к вахте» (с. 114).

«Вот диво-то, совсем про санчасть забыл за работой» (с. 118).

«Но сапожный ножичек был заработок, был хлеб!

Бросать было жалко» (с. 123).

«Хотя на воле Шухову легче было кормить семью целую, чем здесь одного себя, но знал он, чего те передачи стоят, и знал, что десять лет с семьи их не потянешь. Так лучше без них» (с.127).

«Так что пусть завидует, кому в чужих руках всегда редька толще, а Шухов понимает жизнь и на чужое добро брюхо не распяливает» (с. 144).

«Я ж не против Бога, понимаешь... В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад. Зачем вы нас за дурачков считаете, рай и ад нам сулите? Вот что мне не нравится» (с. 155).

«У нас нет, так мы всегда заработаем» (с. 158).

Стенька Клевшин

Заклученный, он «тихий, бедолага» (с. 63).

«Залупаться не надо было! – сокрушённо покачал он головой. – Обошлось бы всё» (с. 63).

«Ухо у него лопнуло одно, ещё в сорок первом. Потом в плен попал, бежал три раза, излавливали, сунули в Бухенвальд. В Бухенвальде чудом смерть

обминул, теперь отбывает срок тихо. Будешь залупаться, говорит, пропадёшь» (с. 63).

«Я из плена три раза бежал. И три раза ловили» (с. 77).

«Сенька, терпельник, все молчит больше: людей не слышит и в разговор не вмешивается. Так про него и знают мало, только то, что он в Бухенвальде сидел и там в подпольной организации был, оружие в зону носил для восстания. И как его немцы за руки сзади спины подвешивали и палками били» (с. 77).

«Сенька Клевшин два дня с американцами два дня жил, так ему четвертную закатали...» (с. 117)

Кавторанг Буйновский

Бывший капитан 2 ранга, «...он командовать привык, он со всеми людьми так разговаривает, как командует» (с. 63).

«Буйновский – в горло, на миноносцах своих привык, а в лагере трёх месяцев нет...» (с. 51)

«Капитан любит вообще объяснять» (с. 53).

«На глазах доходит капитан, щёки ввалились, – а бодрый» (с. 53).

«На лагерную работу как на морскую службу смотрит: сказано делать – значит делай! Осунулся крепко кавторанг за последний месяц, а упряжку тянет» (с. 73).

«...А вблизи от них сидел за столом кавторанг Буйновский. Он давно уже кончил свою кашу и не знал, что в бригаде есть лишние, и не оглядывался, сколько их там осталось у помбригадира. Он просто разомлел, разогрелся, не имел сил встать и идти на мороз или в холодную, необогревающую обогревалку. Он так же занимал сейчас незаконное место здесь и мешал новоприбывающим бригадам, как те, кого пять минут назад он изгонял своим металлическим голосом. Он недавно был в лагере, недавно на общих работах. Такие минуты, как сейчас, были (он не знал этого) особо важными для него минутами, превращавшими его из властного звонкого морского офицера в малоподвижного осмотрительного зэка, только этой малоподвижностью и могущего перемочь отверстанные ему двадцать пять лет тюрьмы» (с. 85).

«А по Шухову правильно, что капитану отдали. Придет пора, и капитан жить научится, а пока не умеет» (с. 86).

«Уже с ног валится кавторанг, а тянет» (с. 106).

«— Да, видите ли, я прожил почти целый месяц на английском крейсере, имел там свою каюту. Я сопровождал морской конвой. Был офицером связи у них.

— Ах, вот как! Ну, уже достаточно, чтобы вмазать вам двадцать пять.

— Нет, знаете, этого либерального критицизма я не придерживаюсь. Я лучшего мнения о нашем законодательстве...

— Но уже после войны английский адмирал, черт его дернул, прислал мне памятный подарок. "В знак благодарности". Удивляюсь и проклинаяю!...» (с. 117-118)

Алешка-баптист

Баптист. «Алёшка — тихий, над не командует только кто не хочет» (с. 100).

«...баптист Алешка, сосед Шухова, чистенький, приумытый, читал свою записную книжку, где у него была переписана половина евангелия» (с. 43).

«Баптист читал евангелие не вовсе про себя, а как бы в дыхание (может, для Шухова нарочно, они ведь, эти баптисты, любят агитировать, вроде политруков)... За что Алешка молодец: эту книжечку свою так заса'вывает ловко в щель в стене — ни на едином шмоне еще не нашли» (с. 44-45).

«Неумелец он, всем угождает, а заработать не может» (с. 158).

«Безотказный этот Алёшка, о чём его не попроси. Каб все на свете такие были, и Шухов был бы такой. Если человек просит — отчего не пособить? Это верно у них» (с. 105).

«Молитва должна быть неотступна! И если будете веру иметь и скажете этой горе — перейди! — перейдёт» (с. 154).

«Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал...» (с. 155).

«Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать!» (с. 156).

«Не врёт Алёшка, и по его голосу и по глазам видать, что радый он в тюрьме сидеть» (с. 156).

Фетюков

«Это был один из последних бригадников, поплоше Шухова» (с. 36).

«Фетюков-шакал насобирал где-то окурков (он их и из плевательницы вывернет, не погребует), теперь на коленях их разворачивал и неперегоревший табачок сыпал в одну бумажку. У Фетюкова на воле детей трое, но как сел – от него все отказались, а жена замуж вышла: так помощи ему ниоткуда» (с. 62).

«Так ту печь растопили, и на нее кавторанг с Фетюковым носилками песок носят. Чтоб носилки носить – ума не надо. Вот и ставит бригадир на ту работу бывших начальников. Фетюков, кесь, в какой-то конторе большим начальником был. На машине ездил. Фетюков по первым дням на кавторанга даже хвост поднял, покрикивал. Но кавторанг ему двинул в зубы раз, на том и поладили» (с. 70).

«Шакалить Фетюков всегда мастак, а закосить бы смелости не хватило» (с. 85).

«Прошёл по бараку Фетюков, всхлипывая. Сгорбился. У губы кровь размазана. Опять, значит, побили его там за миски. Ни на кого не глядя и слёз своих не скрывая, прошёл мимо всей бригады, залез наверх, уткнулся в матрас.

Разобраться, так жаль его. Срока ему не дожить. Не умеет он себя поставить» (с. 145).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Образцы слайдов, сопровождающих мероприятие

